

М. А. МОЖАРОВА¹

**«ПРОГУЛКА НАРОДОВ
С ЗАПАДА НА ВОСТОК И ОБРАТНО»:
Л. Н. ТОЛСТОЙ И ПИСАТЕЛИ XIX ВЕКА
О НАПОЛЕОНОВСКОМ НАШЕСТВИИ В РОССИЮ**

Статья посвящена теме 1812 года, ставшего для русских людей временем истинного самопознания. Волею провидения Россия была проведена через спасительное для неё очистительное страдание. Урок 1812 года стал предметом размышлений для православных пастырей и для русских писателей. Автор анализирует мировоззренческие оценки событий войны 1812 года и их художественное воплощение в романе-эпопее «Война и мир» и в произведениях предшественников Л. Н. Толстого: А. С. Пушкина, С. Н. Глинки, Ф. Н. Глинки, И. М. Муравьёва-Апостола, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского.

Ключевые слова: война 1812 года, Россия, Европа, провиденциализм, художественный образ, Православие, покаяние, духовный смысл исторических событий.

В эпилоге «Войны и мира» Л. Н. Толстой назвал «основным» и «существенным» смыслом европейских событий начала XIX века «воинственное движение масс европейских народов с запада на восток и потом с востока на запад» [9, т. 12, 240]. Перефразируя эти слова, А. М. Скабичевский сделал замечание о «предусмотренной» Толстым «прогулке народов с запада на восток и обратно» [8, 645]. Увидев в «Войне и мире» отражение славянофильской тематики и стремясь оградить писателя от этой, по словам критика, «роковой струи, погубившей не один талант на Руси», А. М. Скабичевский указал на признаки «странного заблуждения ума» автора, «так неожиданно повернувшего к мистицизму» [8, 647, 646].

Наполнившая весь XIX век тема России и Запада никого из русских писателей не оставила вне *западничества* и *славянофильства*. Тем из них, кто стремился, говоря словами преподобного старца Макария Оптинского, смотреть на вещи с той точки зрения, «как Промысел Божий печётся о спасении

¹ Марина Анатольевна Можарова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела русской классической литературы, Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН (Москва, Российская Федерация); mar-mozharova@yandex.ru

нашем», рано или поздно суждено было услышать упрек в *мистицизме* и стать объектом критики со стороны просвещённых в западном духе современников. Вслед за И. В. Киреевским и Н. В. Гоголем не миновала эта участь и Л. Н. Толстого. Действительно, в «Войне и мире» – книге, в наибольшей степени закрепившей за Толстым звание *русского*, прослеживается особая, глубинная связь писателя с тысячелетними традициями русской литературы. Толстой в «Войне и мире», по словам Н. А. Бердяева, проник «силой религиозной интуиции в первоосновы души человеческой и души народной» [1, 272]. Современный исследователь В. И. Щербаков, подводя итог многолетнему изучению этого произведения, указывает на его особую природу и значение для истории русской и мировой культуры: «“Война и мир” – больше, чем исторический роман, больше, чем художественное произведение» [14, 235].

Чем же для России стало наполеоновское нашествие? Как восприняли и оценили его русские писатели? Ф. Н. Глинка, очевидец и участник событий, в знаменитых «Письмах русского офицера» под датой *28 декабря* поместил следующее размышление: «Наполеон за Неманом! Уже нет ни одного врага на земле русской! <...> Итак, зачем приходил Наполеон в Россию? Вот вопрос, для разрешения которого будут писать целые книги» [3, 181–182]. Предсказание поэта и воина сбылось: никто из русских писателей не оставил без внимания этой темы.

Обобщённый ответ на главный вопрос грозного века: «Зачем приходил Наполеон в Россию?» – дал духовный писатель XIX века – святитель Феофан Затворник Вышенский. «Нас увлекает просвещённая Европа... – говорил он в 1860 году. – Да, там впервые восстановлены изгнанные было из мира мерзости языческие; оттуда уже перешли они и переходят и к нам. Вдохнув в себя этот адский угар, мы кружимся как помешанные, сами себя не помня. Но припомним двенадцатый год: зачем это приходили к нам французы? Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли. Покаялась тогда Россия, и Бог помиловал её. А теперь, кажется, начал уже забываться тот урок. Если опомнимся, конечно, ничего не будет; а если не опомнимся, кто весть, может быть, опять пошлёт на нас Господь таких же учителей наших, чтоб привели нас в чувство и поставили на путь исправления. Таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему. Это не пустые слова, но дело, утверждаемое голосом Церкви. Ведайте, православные, что Бог поругаем не бывает» [11, 186]. Это размышление из проповеди, обращённой к тамбовской пастве, святитель Феофан впоследствии неоднократно включал в собрания своих творений.

Роман-эпопея «Война и мир» задумывалась и создавалась в то время, когда *урок* 1812 года начал уже забываться. К середине XIX века в русском *просвещённом* обществе заметно распространились такие духовные недуги, как неверие, ложные верования, нигилизм и разного рода самообольщения. С размышлениями святого старца удивительно созвучны простые, вырвавшиеся из сердца слова русского офицера Василия Денисова, в сильных и резких выражениях делавшего свои замечания в эпилоге «Войны и мира» по поводу «глупостей», совершавшихся в Петербурге: «Прежде немцем надо было быть, теперь надо плясать с Татариновой и m-me Крюднер, читать... Экарстгаузена и братию. Ох! спустил бы опять молодца нашего Бонапарта. Он бы всю дурь повыбил!» [9, т. 12, 282].

Гроза 1812 года, яркой вспышкой осветившая прошлое и настоящее, заставила лучших русских людей задуматься об истории отечества и о роли Промысла Божия в его судьбе. В лаконичных и ярких образах предстал наполеоновский «грозный век» в повести И. В. Киреевского «Остров» (1838). Привычный и казавшийся таким твёрдым порядок жизни на Западе переломился внезапно: «взволновался народ, разыгрались страсти, рухнул престол, полилась кровь, падает Церковь, законы ломаются, всё устройство вещей ниспровергнуто <...> Что-то будет с просвещённым человечеством?» [4, т. 2, 178].

Размышляя о событиях Великой французской революции, И. В. Киреевский задаёт вопрос: «И для чего Провидение послало или, по крайней мере, допустило это страшное явление? Какая польза произойдёт из него для человечества?» [4, т. 2, 179]. Кровавый пожар на Западе представляется автору повести неизбежным и заслуженным возмездием: «...может быть, эта кровь, эти жертвы – только страшное наказание просвещённому человечеству за ложь в его просвещении, – очистительное наказание человеку за расслабление его сердечных сил, за вялость и ограниченность его стремлений, за притворство в вере <...> за оскудение любви?..» [4, т. 2, 179–180].

Но не только возмездием явились для Европы постигшие её бедствия. «Может быть, как буря очищает воздух, так волнение народное должно очистить жизненную атмосферу человечества? – размышляет И. В. Киреевский. – Может быть, бедствия царств и людей посылаются им для того, чтобы разбудить заснувшие силы ума, настроить в гармонию расстроенные звуки души и натянуть новые струны на ослабевшее сердце человека?» [4, т. 2, 181–182]. Главным предметом авторского исследования в «Острове» стал провиденциальный смысл описываемых событий.

В разгар новых потрясений в Европе, в 1848 году, Ф. И. Тютчев, бросая ретроспективный взгляд на Великую французскую революцию и последовавшие за ней события, писал: «Уже давно в Европе существуют только две действительные силы: Революция и Россия. Эти две силы сегодня стоят друг против друга, а завтра, быть может, схватятся между собой. Между ними невозможны никакие соглашения и договоры. Жизнь одной из них означает смерть другой. От исхода борьбы между ними, величайшей борьбы, когда-либо виденной миром, зависит на века вся политическая и религиозная будущность человечества» [10, 144]. Русский поэт, мыслитель и дипломат задолго до Крымской войны предвидел неизбежность нового столкновения России и Запада.

Называя Европу «цивилизацией, убивающей себя собственными руками», Ф. И. Тютчев был уверен, что готовящийся новый «крестовый поход нечестивой Революции» против России не сломит её и она, как и в 1812 году, выстоит: «Тысячелетние предчувствия совсем не обманывают. У России, верующей страны, достанет веры в решительную минуту. Она не устрасится величия своих судеб, не отступит перед своим призванием» [10, 156, 157]. Что же касается Европы, то, по словам Ф. И. Тютчева, «шестьдесят лет господства разрушительной философии совершенно сокрушили в ней все христианские верования и развили в отрицании всякой веры главнейшее революционное чувство – гордыню ума» [10, 148].

В повести И. В. Киреевского «Остров» ключевой фигурой авторского исследования явился Наполеон, представленный как орудие Промысла Божия: «Но вот решается задача Европы. Пришёл человек, задумчивый и упрямый; в глазах – презренье к людям, в сердце – болезнь и желчь; пришёл один, без имени, без богатства, без покровительства, без друзей, без тайных заговоров, без всякой видимой опоры, без всякой силы, кроме собственной воли и холодного расчёта <...> Вся Европа страдала под его могуществом и с ужасом называла его Великим!» [4, т. 2, 182].

«Просвещённый мир», отвергший веру и поклонившийся разуму человеческого, лежал «скованный под железною пятою своего властелина». Всё могущество Наполеона, говорит И. В. Киреевский, было «явным созданием его головы». В голове его «одна мысль задавила все другие: мысль блестящая и тяжёлая, как царский венец; удивительная, как Египетская пирамида; но сухая и бесплодная, как голый утёс посреди океана, и холодная, как глубокий снег севера, и страшно разрушительная, как бы пожар огромной столицы, и бесцветная, как музыка барабанов. И справедливое Провидение послало ему судьбу его по мысли его» [4, т. 2, 186]¹.

Наполеоновские походы и бесславно окончившееся нашествие на Россию представлены в повести как единое, обусловленное глубокими причинно-следственными связями событие. Чтение «Острова», по словам первого биографа И. В. Киреевского, оставляет впечатление «ясности религиозно-философского взгляда на историю и жизнь» [5, 63–64].

Положить конец владычеству того, чьей силе, казалось бы, не было границ, суждено было, по воле *справедливого Провидения*, не Европе. Властелин, перед которым падали царства, ушёл с исторической сцены лишь тогда, когда была выполнена его промыслительная задача в отношении России. Этот царь, «венчанный коварством и дерзостью», «Исчез, как утром страшный сон!» Так написал о нем юный Пушкин в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814). В оде «Вольность» поэт восклицает: «Самовластительный злодей! / Тебя, твой трон я ненавижу». Этим строкам предшествуют слова: «И се – злодейская порфира / На галлах скованных лежит». Возле них на одном из автографов стихотворения А. С. Пушкин сделал пояснение для своего дяди В. Л. Пушкина: «Наполеонова порфира» [7, 454].

Утолённая жажда власти, презрение к человечеству не стали для Наполеона залогом подлинного величия. В нравственной глухоте этого человека А. С. Пушкин увидел истоки его исторической слепоты. Размышления об этом находим и в стихотворении «Наполеон», написанном поэтом в 1821 году по получении известия о смерти «самовластительного злодея»:

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждём, как дара;
Но поздно русских разгадал...

¹ Здесь и далее в цитатах курсив источника.

Казалось бы, Наполеон всё *предвидел*, всё *предузнал* (Пушкин использует эти слова), но фортуна изменила расчётливому «баловню побед». Планы Наполеона сокрушены были силой, не подвластной его воле, и искупить злодеяния ему суждено было уже при жизни «тоскою душного изгнания».

Тема злодеяний и расплаты за них не является, однако, главной в этом стихотворении. Поэт начал его словами:

Чудесный жребий совершился:
Угас великий человек.

Отчего Наполеон назван «великим»? Отчего должен быть «омрачён позором» тот, кто «безумным возмутит укором его развенчанную тень»? Отчего над «великолепной могилой» «луч бессмертия горит»? Пушкин ответил на эти вопросы в последних строках стихотворения:

Хвала!.. Он русскому народу
Высокий жребий указал...

Тиран предстал в глазах поэта *великим* лишь потому, что исполнил *великую* задачу, определённую Промыслом Божиим, – его злые дела способствовали пробуждению русского национального самосознания. Сам же владыка полу-мира, «презревший правды глас, и веру, и закон», величия недостойн.

«Помазанником собственной силы», увенчавшим главу «самозданным венцом», назвал Наполеона и А. С. Хомяков в стихотворном цикле, написанном по поводу перенесения праха императора с острова Святой Елены в Париж в 1840 году [13, 190–194]. Воля гордого безумца, по словам поэта, была сломлена силой Божией:

Не сила народов повергла тебя,
Не встал тебе ровный соперник;
Но Тот, Кто пределы морям положил,
В победном бою твой булат сокрушил,
В пожаре святом твой венец растопил
И снегом засыпал дружины.

Предваряя приговор, вынесенный Наполеону позже автором «Войны и мира», Хомяков отказал в величии этому человеку:

Перед сном его могилы
Скажет мир, склонясь главой:
Нет могущества, ни силы,
Нет величья под луной!

В повести И. В. Киреевского «Остров» Наполеон – яркое воплощение бездушного рационализма: «Когда другие жили, он считал; когда другие развлекались в наслаждениях, он смотрел всё на одну цель и считал <...> Вся жизнь его была одна математическая выкладка, так что одна ошибка в расчёте могла уничтожить всё гигантское построение его жизни» [4, т. 2, 182, 183]. И вот «ошибка сделана», «исполин пал», «в великодушном самоубийстве сторела древняя столица; его дружина погибла в снегах Севера; его царский венец на главе другого; его барабаны замолкли; его могущество в рассказе школьных учителей!» [4, т. 2, 203].

«Действие совершено. Последняя роль сыграна. Актёру велено раздеться и смыть сурьму и румяны: он больше не понадобится», – читаем в «Войне и мире» Л. Н. Толстого [9, т. 12, 245]. Образная система и философские идеи повести И. В. Киреевского «Остров» в полной мере нашли художественное *подтверждение* в «Войне и мире». Вслед за Пушкиным, Киреевским и Хомяковым Толстой представил Наполеона орудием Промысла Божия и отказал ему в подлинном величии, ибо «нет величия там, где нет простоты, добра и правды» [9, т. 12, 165].

В «Войне и мире» Наполеон – один из тех «grand-homme, которых не признаёт русский ум», «человек без убеждений, без привычек, без преданий, без имени» [9, т. 12, 183, 240], актёр, постоянно играющий свою роль. Игрой представляется ему всё, что совершается вокруг него. Он играет роль перед портретом своего сына, которого художник изобразил играющим в бильбоке земным шаром. Он имеет вид уверенного в себе игрока перед Бородинским сражением: «Дело всё в моих руках и в голове, ясно и определённно». Начавшееся сражение означает для него только одно: «Игра началась» [9, т. 11, 224, 226].

В авторском комментарии к повествованию о Наполеоне в «Войне и мире» отчётливо звучит мысль о том, что все события в жизни человека имеют промыслительное значение и что «ход мировых событий предопределён свыше» [9, т. 11, 221]. Начиная с французской революции, пишет Толстой, «приготавливается тот человек, который должен стоять во главе будущего движения и нести на себе всю ответственность имеющегося совершиться». Человек «без убеждений, без привычек, без преданий, без имени, даже не француз, самыми, кажется, странными случайностями продвигается между всеми волнующими Францию партиями и, не приставая ни к одной из них, выносится на заметное место» [9, т. 12, 240]. Попытки этого человека «изменить предназначенный ему путь не удаются: его не принимают на службу в Россию, и не удаётся ему определение в Турцию. Во время войн в Италии он несколько раз находится на краю гибели и всякий раз спасается неожиданным образом» [9, т. 12, 240–241]. «Он один, с своим выработанным в Италии и Египте идеалом славы и величия, с своим безумием самообожания, с своею дерзостью преступлений, с своею искренностью лжи, – он один может оправдать то, что имеет совершиться» [9, т. 12, 241–242]. Толстой убеждён, что все события в жизни Наполеона промыслительны: пока «роль его» ещё была не кончена, «миллионы *случайностей* дают ему власть, и все люди, как бы сговорившись, содействуют утверждению этой власти», но как только нашествие «достигает конечной цели – Москвы», «все случайности постоянно теперь уже не за, а против него» [9, т. 12, 242, 243]. Упорствующий в слепоте своей гордый ум и рассудочная злая воля «великих людей», по убеждению автора «Войны и мира», не противоречат исполняемой ими роли «ничтожнейших орудий истории» [9, т. 12, 183]. Для Толстого, как и для его предшественников, провиденциальный характер всех событий жизни Наполеона очевиден.

Почему же попущено было страшное бедствие, постигшее Россию в 1812 году? В чём заключается духовный смысл нашествия «галлов и с ними двадцати язык»? «Бог послал их истребить то зло, которое мы у них же переняли», – писал святитель Феофан Затворник. Эту истину так же хорошо осознавали и современники событий. Словам святителя о пагубности

влияния «просвещённой Европы» созвучно размышление Ф. Н. Глинки: «Французам вверено было драгоценнейшее сокровище в государстве – воспитание юношества. И французы, обращая всё сие во зло для нас, извлекали из всего возможнейшую пользу для себя. Наполеон не прежде решился идти в Россию, пока не имел там тысячи глаз, вместо него смотревших; тысячи уст, наполнявших её молвой о славе, непобедимости и мудрости его; тысячи ушей, подслушивавших за него в палатах, дворцах, в домашних разговорах, в кругах семейственных и на площадях народных. Таким-то образом, подрывая коренные свойства народа, заражая нравы, ослепляя умы, соблазняя сердца лестью и золотом, одерживал он заранее победы в сей тайной, но всех других опаснейшей войне» [3, 191]. Картины господства французского духа на русской земле во множестве представлены в произведениях писателей начала XIX века.

Отечественная война, по словам Ф. Н. Глинки, переродила русских людей. Даже гнев их стал обращаться не только на завоевателей, но и на предметы, символизировавшие иноземное присутствие. Так, о Сергее Николаевиче Глинке его брат Фёдор Николаевич *2 сентября* сообщает: «Сегодня жёг и рвал он все французские книги из прекрасной своей библиотеки, в богатых переплётах, истребляя у себя все предметы роскоши и моды. Тому, кто семь лет пишет в пользу отечества против зараз французского воспитания, простительно доходить до такой степени огорчения в те минуты, когда злодеи уже приближаются к самому сердцу России» [3, 162]. Сам же Сергей Николаевич к рассказу о том, как он, «кипя досадою», «разбивал зеркала и рвал книги в щегольских переплётах», добавил важное замечание, прекрасно характеризующее русского человека вообще и его отношение к материальным ценностям: «Французам не пеняю <...> они ничего у меня не взяли, а отняли у себя прежнее нравственное владычество в Москве» [2, 419].

Что стало причиной пожара Москвы? Этим вопросом задавались все писавшие о 1812 году. С. Н. Глинка ответил на него так: «...при Наполеоне Москва отдана была на произвол Провидения. В ней не было ни начальства, ни подчинённых. Но над нею и в ней ходил суд Божий. Тут нет ни русских, ни французов: тут огонь Небесный. Горели палаты, где прежде кипели радости земные, стойвшие и многих и горьких слез хижинам. Клубились реки огненные по тем улицам, где рыскало тщеславие человеческое на быстрых колесницах, также увлекавших за собою быт человечества. Горели наши неправды, наши моды, наши пышности, наши происки и подыски – всё это горело...» [2, 423]. По словам С. Н. Глинки, слава московского пожара не может принадлежать завоевателю Наполеону, она по праву принадлежит Москве, «страдавшей и отстрадавшей и за Россию и за Европу» [2, 423]. Полководец и солдаты когда-то великой армии, грабившие и уничтожавшие Москву, были лишь орудиями Промысла Божия.

Другой очевидец событий 1812 года, И. М. Муравьёв-Апостол, находясь под впечатлением зрелища сожжённого города и осквернённых святынь, писал, что теперь, «в виде опустошения», Москва должна быть «еще драгоценнее русскому сердцу», ибо в ней «мы должны видеть величественную жертву спасения нашего» – «жертву очистительную» [6, 6].

Спасительными для России стали не только мужество её защитников, но и сила покаяния. Святитель Филарет (Дроздов) в «Рассуждении о нравственных

причинах невероятных успехов наших в настоящей войне» (1813) свидетельствовал: «Продолжение и возрастание общей опасности нигде не могло быть примечено, разве при алтарях, где моления становились продолжительнее, возрастало число притекающих» [12, 313–314]. Во все века в России надежду на избавление от бед и нашествий врагов связывали с молитвой, постом и покаянием. «Народ Российский, народ доблестный, не унывай! – писал И. М. Муравьев-Апостол. – Доколе пребудешь верен церкви, царю и самому себе, дотоле не превозможет тебя никакая сила. Познай сам себя и свергни с могучей выи своей ярем, поработивший тебя – исполина! – подражания пигмеям, коих все душевные силы истощились веками разврата» [6, 6].

1812 год стал для русских людей временем истинного самопознания. Увлечённые западным просвещением, бездумно отдавшие себя в добровольный духовный плен современники тех грозных событий обратились к вере. В «Войне и мире», по замыслу автора, понимание духовного смысла совершающихся событий даётся не только Кутузову, княжне Марье, простым русским солдатам, но и «графинечке» Наташе Ростовой. Толстой наделяет свою героиню пониманием того, что от степени греховности её собственной жизни зависит судьба отечества.

Законы миропорядка и роль личности в истории – одна из главных тем русской литературы XIX века. Отечественная война 1812 года в контексте всей книги Толстого воспринимается прежде всего как война Европы и России, как столкновение двух противоположных направлений просвещения, как борьба двух различно ориентированных духовных начал. Вследствие этого художественное и философское осмысление Толстым исторических событий неразрывно связано с темой веры и безверия. Наполеон в «Войне и мире» заявляет, что «большое количество монастырей и церквей есть всегда признак отсталости народа» [9, т. 11, 30]. В «Острове» Наполеон, поправший все законы нравственности, уподоблен «бездушной счётной машине». И. В. Киреевский не случайно использовал это сравнение. Указывая на очевидную связь между направлением всей жизни человека и «коренным убеждением» его веры, писатель утверждал, что без истинной веры «жизнь человека не будет иметь никакого смысла, ум его будет счётной машиной, сердце – собранием бездушных струн, в которых свищет случайный ветер; никакое действие не будет иметь нравственного характера, и человека собственно не будет. Ибо человек – это его вера» [4, т. 1, 276].

В «Войне и мире» истинный смысл событий открывается только верующей душе. Именно поэтому «серьёзное выражение лиц» солдат и ополченцев, молящихся перед Бородинским сражением, поглощало всё внимание Пьера Безухова, ясно видевшего на этих лицах «сознание торжественности наступающей минуты» [9, т. 11, 196]. Глядя на них, Пьер испытал новое для него непреодолимое ощущение собственной ничтожности и лживости в сравнении с правдой, простотой и силой этих простых солдат, и им овладело сильное чувство «потребности жертвы и страдания при сознании общего несчастья» [9, т. 11, 360]. На исходе войны Пьером владело трудно передаваемое словами чувство. Его радость не только не омрачали, но даже «возвышали» замечания Вилларского, «постоянно жаловавшегося на бедность, отсталость от Европы, невежество России». Русское сердце Пьера не обманывало его: «Там, где Вилларский видел мертвенность, Пьер видел необычайно могучую силу

жизненности, ту силу, которая в снегу, на этом пространстве, поддерживала жизнь этого целого, особенного и единого народа» [9, т. 12, 211].

На Бородинском поле, по словам И. М. Муравьёва-Апостола, была погребена «мнимая непобедимость французов», в Кремле Бонапарт сложил с головы своей «осквернённый им венец», а «пятьсот тысяч разбойников его обрели погибель от роковой для всех врагов наших Москвы» [6, 7]. Россия же в 1812 году волею Провидения была проведена, говоря словами И. В. Киреевского, через *очистительное страдание*, ставшее для неё спасительным. И как следствие этого стало неизбежным обращение вспять «воинственного движения масс европейских народов», описанного Л. Н. Толстым в романе-эпопее «Война и мир».

Великая русская литература, просвещённая светом Православия, дала духовную оценку наполеоновскому нашествию и событиям Отечественной войны. Именно в этом заключается первостепенная значимость её художественных образов и авторских размышлений на тему 1812 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев Н. А. О религиозном значении Льва Толстого // Вопросы литературы. 1989. № 4.
2. Глинка С. Н. Из «Записок о 1812 годе» // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. М.: Изд-во «Правда», 1987.
3. Глинка Ф. Н. Письма русского офицера: Проза. Публицистика. Поэзия. Статьи. Письма. М.: Моск. рабочий, 1985.
4. Киреевский И. В. Полн. собр. соч.: в 2 т. М., 1911.
5. Ляковский В. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899.
6. Муравьёв-Апостол И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород. СПб., 2002.
7. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. Л.: Изд-во «Наука», 1977–1979. Т. 1.
8. Скабичевский А. М. Сочинения: в 2 т. СПб., 1903. Т. 1.
9. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: Государственное издательство «Художественная литература», 1928–1958. Текст «Войны и мира» цитируется по тиражу 1937–1940 гг.
10. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. и письма: в 6 т. М.: Издательский центр «Классика», 2002–2005. Т. 3.
11. Феофан Затворник, *святитель*. Краткие мысли на каждый день года по церковному чтению из Слова Божия. Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1991.
12. Филарет, *митрополит*. Творения Филарета, митрополита Московского и Коломенского. М., 1994.
13. Хомяков А. С. Стихотворения. М.: Прогресс-Плеяда, 2005.
14. Щербаков В. И. Война 812 года в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // 1812 год и мировая литература. М.: ИМЛИ РАН, 2013.